Невысокая девушка со светлыми волосами, заплетенными в неаккуратный хвостик, обессилено упала на колени, сжимая правой рукой страшную рану на левом боку. Ее черная броня даэдра была покрыта вмятинами и следами от когтей, а некоторые части брони отсутствовали вообще. Найдя в себе силы, девушка взглянула в кроваво-красные глаза врага своими зелеными, горящими огнем отчаяния и обреченности, но в глазах своего врага она не увидела ничего, кроме равнодушия и какого-то смирения. Усмехнувшись, едва не закричав от боли, она отвела взгляд и осмотрелась по сторонам. Рядом с ней лежало разорванное тело старца, на скале неподалеку валялось тело женщины, у которого отсутствовала почти вся левая половина, а перед ней лежало обугленное тело, на котором была надета еще раскаленная броня.

- Феллдир, Хакон, Гормлейт, - прохрипела воительница, скользнув взглядом по телам своих павших соратников, - Я не смогла... Партурнакс, Арнгейр, Лидия, простите, я подвела вас.

- Ni aal lost zemqulek vok zun do dii kruziik paal, ahrk vorohah zun nol qeth do dii mahlaan zeymah, nuz hi los ni dii rinid! Ni neh lost, ahrk neh kos!, - раздался над поверженным воином громовой голос, и напротив него приземлился огромный черный дракон, глаза которого горели кровавым светом.

- Алдуин... - еле найдя в себе силы, прошептала девушка, пытаясь подняться, используя свой меч как опору. В ее зеленых глазах постепенно угасало пламя жизни, и веки с каждой секундой становились все тяжелее и тяжелее.

- Ты узнала секрет моих древних противников, сделала оружие из тел моих павших братьев, но ты мне не ровня. Никогда не была, и не будешь. Но я восхищен твоим упорством и бесстрашием, переходящим в безумие. Многие меня боятся и ненавидят, даже среди моих собственных братьев, но ты и твои павшие соратники были первыми, кто осмелился бросить МНЕ вызов. Ты билась храбро, Довакин, но ты проиграла.

- И что теперь? Уничтожишь все живое? - сплюнув кровь, спросила Довакин.

- Сколь привлекательно твое предложение, но... моего вмешательства даже не потребуется. Да, ты устранила угрозу вырождков Намиры и слуги-предателя, но ты забываешь про остроухих fahlilil (эльфов). Их высокомерие, вместе с вашей общей природной тупостью смертных, приведет мир к гибели. Но, это дела грядущего, - прервал свои размышления дракон, посмотрев на стремительно бледнеющую соперницу.

- Хороша девка, - раздался рядом с Алдуином насмешливый голос, - была.

- Шеогорат, я думал, что Совнгард недоступен другим Принцам, - не поворачивая голову, произнес Алдуин.

- Твой папка в ярости... - сказал Шеогорат, жонглируя своей тростью.

- Пускай, я лишь выполнял свое предназначение.

- Это ты ему сам сейчас и объяснишь, - насмешливо произнес Шеогорат, и в ту же секунду Алдуин исчез, объятый золотистым сиянием.

- Чувствую, я в кои-то веки соглашусь с мнением своего светлого... брата, - произнес подошедший к месту битвы мужчина в черной броне, грудная пластина которой была перетянута кожаными ремнями, - Шеогорат...

- Аюшки?

- Что задумал Акатош, что ему понадобилось присутствие всех представителей домов Ану и Падомая?

- Ну, это не только его идея. Ему по мозгам прокатилась Меридия, на пару с Азурой. Но в то же время именно Меридия хочет сохранить ему жизнь. Смена настроения в стиле Магне-Ге, хотя Мнемоли сказала свое "фи!", мол мы слишком несправедливы к племяшке. Похоже, Довакин была не просто их чемпионом, бу-га-га.

- Что ж, раз уж вы сами решили покончить с угрозой Алдуина, может, заберете вот это, - сказал Шор, пнув труп Довакина.

- Ессно. Она же норд, а значит - твой подопечный. Работай, Шор, а мы вернем её в Нирн. Думаю, Азура будет рада и сразу же заговорит со своим чемпионом во время романтических сумерек где-нибудь в подземельях двумеров.

Алдуин же очнулся в огромном темном зале, в котором по кругу стояли восемь колонн, уходящих высоко в небо. Казалось, сами небеса лежали на этих колоннах. Алдуин помнил это место, он не мог не помнить. Ведь именно здесь он впервые открыл глаза и вдохнул воздух Нирна. Посмотрев перед собой, Великий Дова узрел старца в роскошном одеянии. Алдуин помнил и его, хоть он и не видел его со времен Весны Мира. Старец сидел на высоком троне и грозно смотрел на поверженного короля драконов.

- Алдуин, сын мой.

- Отец.

- Ты разочаровал меня, мой первый сын.

- Чем же, отец? Тем, что оценил по достоинству силы Довакина и стал сражаться чуточку сильнее, чем раньше? Или тем, что не дал ей перерубить мою шею?

Акатош в ответ лишь промолчал.

- Ты сам нарек меня Пожирателем Мира, забыл? Именно мне было предназначено разрушить мир, чтобы дать возможность вырасти новому миру. Довакин был лишь спусковым крючком. Если ему суждено было пасть, значит, такова судьба. Если ему суждено было победить - то мир мог спокойно существовать еще тысячу лет. И судьей в этом поединке являюсь я и только я!

- Да, я нарек тебя Пожирателем Мира. Но это не давало тебе право убивать младших созданий Нирна ради забавы. Ты был рожден, чтобы защищать Нирн от тлетворного влияния Даэдра! Ты должен был опустошать ИХ миры, если они представляли угрозу Нирну. Именно ради этой цели ты был рожден равным МНЕ.

- Проходя через боль и страдание душа становится сильнее. Твои слова, отец.

- Проходя через испытания и трудности, Алдуин. Не изменяй мои слова по своей прихоти. Но довольно разговоров. Я считал, что твоего заточения в Древнем Свитке на тысячу лет будет достаточно, чтобы ты переосмыслил свои идеалы, но видимо я ошибся. Тебе нужно побыть одному и вновь подумать над своим поведением, сын мой.

- Если ты будешь часто щадить смертных, они станут жертвами своих пороков и деградируют. Только в вечной битве закаляется душа, только преодолевая боль, она становится сильнее. Ведь только такие души способны пройти по Мосту Китовой Кости. Заметь, когда я правил людьми, эти остроухие высокоМЕРные твари даже не думали называться "детьми богов" или чем-то в этом роде. Они, как и люди, были рождены из крови Эт'Ада, но лишь они возомнили себя равными Тебе, Мне, Принцам и Богам. Нирн стал слишком спокоен и из-за этого он гниет.

- Это ничего не меняет.

- О-о-о неет, меняет. Давай я сейчас же вернусь в Нирн во всей своей мощи? - спросил Алдуин и сосредоточил все свои силы в себе.

- Эти смертные ничтожества узнают, кто такой Пожиратель Мира! Они узнают, что такое страдания и научатся их преодолевать! Именно в таких, побитых жизнью, но не сломавшихся, по настоящему начинает сиять наследие Эт'Ада, - проревел Алдуин.

Алдуина покрыла черная аура, и спустя несколько мгновений перед Акатошем стоял не черный дракон, а огромное черное создание, сотканное словно из тьмы, в которой отчетливо виделись черты прежнего Алдуина. Но Акатош был готов к такому повороту событий. Вокруг Алдуина появились все девять богов и шестнадцать Принцев Даэдра.

- Они не узнают, сын мой. Гордись, из-за тебя второй раз в истории собрался совет Аэдра и Даэдра, который не собирался со времен сотворения мира. Твое поведение вывело из себя даже Магнуса, и поэтому совет принял решение. Ты будешь навсегда изгнан за пределы Обливиона, в бездну Этериуса. Этот мир будет жить своей жизнью, а когда придет черед ему переродиться, мы сами поможем миру очиститься. В бесконечных циклах испытаний более нет нужды. И ты можешь даже не пытаться вернуться. Хотя ты и равен мне по силе, сильнейшему из Аэдра, тебе не осилить объединенную мощь детей Ану и Падомая. Прощай, мой первый, и

самый любимый сын. Ты больше не нужен ни мне, ни миру.

Алдуин хоть и был гордым и своенравным, но он не был дураком. Он прекрасно понимал, что в данный момент сопротивление бесполезно, а последние слова отца задели его. От него избавлялись, как от ставшей ненужной вещи. И он предпочел бы настоящую смерть тому, что для него приготовил Акатош. Даже смерть от меча Довакина теперь не выглядела так унижительно. Иначе ему бы не пришлось существовать в бездне Этериуса до окончания времен, наполненной первоначальной энергией, которая была высвобождена после конфликта между Ану и Падомаем, называемая смертными маной или магией. И ему бы не пришлось делить свое одиночество с останками тех Эт'Ада, что покинули мир смертных после его сотворения, которые образовывали те три гигантских скопления, которые смертные называли Стражами.

- Ты совершаешь ошибку, отец, изгоняя из Нирна один из столпов его существования, - прорычал Алдуин, глядя, в глаза Акатошу, когда ритуал изгнания близился к концу, - Ahsul, Dii kiir fen alok, ahrk faal Lein fen qiilaan wah mii!(Когда-нибудь, Мои дети вернутся, и Мир преклонится перед нами!)

Когда были совершены последние действия ритуала, Алдуин исчез в яркой вспышке, после чего Акатош устало вздохнул.

- Все прошло гораздо хуже, чем мы планировали. Ауриэль, тебе не кажется, что ты был слишком жесток со своим сыном? - обратилась к Акатошу Азура.

- И все-таки как интересно. Рожденный высшим Аэдра был близок к тому, чтобы стать сильнейшим Принцем Даэдра, не потеряв при этом своей божественной природы. Весьма интересно. Этот феномен достоин моего внимания, - раздался в зале голос Хермеуса Моры.

- Из-за твоего выродка, Ауриэль, мы все значительно ослабли! И не надо на меня смотреть как на идиота, Молаг Бал, Мехрунес. Сама идея создания Алдуина была твоей ошибкой, Ауриэль! - злобно проговорил Малакат.

- Не, братиш, ты не правильно его наказал, - подал голос Принц Безумия, - Изгнание - это лажа. Мне видение было недавно, во время одного из банкетов у Сангвина. Только представь: мир, наполненный разноцветными говорящими лошадками, которые верят в магию ДРУЖБЫ! Самое то для нашего старшего племяшки, учитывая его характер.

- Учитывая его характер, Шео, мне уже жалко тех лошадок, - вздохнул Сангвин, - Хотя, зрелище это было бы незабываемое... Особенно, преврати мы Алдуина в единорога с крыльями наподобие той синенькой злобненькой поняши.

- Довольно! Алдуин был осужден и наказан! Нам следует вернуться в свои планы! - прозвучал голос Стендарра.

- Поддерживаю, - промурлыкал Боэтия. Вскоре, зал опустел, но одна фигура осталась, скрытая

в тени колонн.

- Как же ты поведешь себя, Первенец Акатоша? Твое полотно еще не прервалось и не стало монотонным. Время покажет, прав ли был Ауриэль, изгоняя тебя в Этериус, - шепотом проговорила Мефала, глаза которой, до этого покрытые молочно-белой пленкой, вновь стали двумя бездонными черными колодцами. Постояв немного, она последовала примеру своих сородичей и вернулась в свой план.

Алдуин же, оказавшись в Этериусе, стал размышлять над способом возвращения в мир смертных. Единственной брешью в оболочке мира смертных, через которую он мог вернуться, был план Магнуса, но эта дорога была закрыта. И первому из драконов оставалось только ждать подходящего шанса, когда Магнус потеряет бдительность. Именно желание вернуться в мир смертных и доказать всем Эт'Ада, и в первую очередь отцу, что он гораздо сильнее, чем они думали, стало тем стержнем, который не давал Алдуину сойти с ума. Пытаясь занять себя в перерывах между сном, который незаметно для Алдуина растягивался на тысячелетия, он пожирал останки Эт'Ада, плавающие в бездне Этериуса, или занимался совершенствованием своего Туума, практически повторяя путь, по которому когда-то начал идти Партурнакс.

И невдомек было Алдуину, что его изгнание запустило цепочку событий, которые привели к тому, что мир изменился до неузнаваемости. Ослабевшие боги не смогли дать отпор угрозе, которая зрела с давних времен. Не знал он и о том, что было исполнено пророчество, которое по ошибке толковалось как пророчество о пришествии драконорожденного и что боги, в попытке спасти мир от уничтожения пожертвовали собой ради сохранения того, что когда-то было создано хитростью и обманом.

Но Алдуин не был в курсе событий, происходящих за гранью, отделявшей Этериус от остального мира. Его материальное тело давно развоплотилось, так как ничто материальное не могло существовать долго в океане магии, но душа осталась целой. Подогреваемый мыслью о своем неизбежном возвращении, он продолжал пожирать останки Эт'Ада, увеличивая свою силу, прерываясь только на медитации и сон. И во время одного из периодов сна, Алдуин почувствовал, как его душу тянет куда-то.

Очнувшись ото сна, Алдуин немедленно скрыл свою ауру, опасаясь того, что отец раскрыл его замысел и теперь пытается изгнать его в Аурбис, царство абсолютной пустоты. А это означало бы смерть даже для такой сущности, как Алдуин, но его продолжало тянуть куда-то, игнорируя его попытки вырваться из захвата неведомой силы. Пытаясь вырваться из захвата, Алдуин стремительно слабел, но неизвестная сила не ослабила свою хватку. Поняв, что его тянет в мир смертных, он решил поберечь силы и позволил себя вытянуть из Этериуса, планируя разобраться с проблемами на месте.

Но тех мгновений замешательства Алдуина хватило, чтобы его ауру смогли почувствовать те, кто мог. По всему миру несколько десятков холмов одновременно вспыхнули причудливой смесью золотистого и голубого свечения. Даже после того, как древнейший из драконов скрыл свою ауру, холмы еще светились некоторое время, привлекая внимание представителей сверхъестественного мира.

Когда его перестало тянуть, Алдуин открыл глаза, и тут же закрыл их, ибо по ним ударил ослепительно яркий свет. Помедлив, он снова открыл глаза и увидел молодую человеческую женщину, одетую в белую мантию. Женщина улыбалась ему. Алдуин оскалился в ответ, на что женщина улыбнулась еще сильнее.

- Дорогой, у него твои глаза.

"Как у меня могут быть глаза как у какого-то простого смертного? Женщина, ты вообще о чем? Я Дракон, Дова, тупое ты создание. Где Акатош?" - попытался сказать Алдуин, но вместо его грозного рыка, вселявшего страх в сердца смертных и бессмертных, из его уст вырвался звук, похожий на плач детенышей смертных.

- Действительно, как и у его брата, - послышался рядом мужской голос, и в поле зрения Алдуина попал человеческий мужчина.

"Акатош? А ты сильно изменился. Стоп! Этот червяк не Акатош! Я не чувствую ни в этой женщине, ни в этом мужчине ни капли силы Аэдра или Даэдра!" - начал ругаться Алдуин, но из его глотки снова вырвался лишь детский плач.

- Как ты назовешь его? - спросил мужчина женщину.

- Я назову его Татсуми, - произнесла женщина, нежно погладив тело Алдуина по голове.

Алдуин, услышав это, стал лихорадочно шевелить мозгами. В его голове стала зарождаться ужасная и противная ему мысль. Алдуин не мог, не хотел в это верить. Но видя то, как женщина смотрела на него, он решился. Он посмотрел на свои крылья, и увидел сморщенные человеческие ручонки, которыми он не смог бы удержать даже жалкого червяка. Его руки, его отражение в глазах женщины, все это напоминало человеческое тело. Он стал человеком. Не просто человеком, он стал личинкой этих поганых насекомых, он стал одним из них. Все еще не веря в произошедшее, Алдуин заснул, надеясь, что все произошедшее окажется лишь видением, посетившим его во время очередной медитации.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/48168/1181304>